

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И.А.КЛИМОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭНТОНИ ГИДДЕНСА

Взгляд Э. Гидденса на соотношение структуры и действия, индивида и социальной тотальности отличается и от представлений об индивиде как “свободном деятеле”, обладающем всеми ресурсами и возможностями для конституирования социальных отношений, и от концепций, приписывающих доминирующую роль в определении взаимодействий индивидов надиндивидуальным свойствам социального целого. Основная идея Гидденса оформлена в виде “теории структуриации”. Можно выделить пять базовых принципов этой концепции.

1. Общество создано активной деятельностью субъектов, рефлексивной по своей природе. Это основное положение всех теоретических разработок Гидденса: “Не сотворенное никем в отдельности, общество производится и воспроизводится чуть ли не с нуля участниками социального события. Производство общества – суть умелое конструирование, обеспечиваемое и реализуемое человеческими существами. Оно возможно лишь потому, что каждый член общества является практикующим социальным теоретиком: осуществляя всякого рода взаимодействия, он обычно обращается к своим знаниям и теориям; и именно использование этих практических ресурсов есть условие осуществления взаимодействия вообще” [1, p.14-15].

2. Индивиды своей деятельностью преобразуют общество, но одновременно преобразуют и самих себя.

3. Возможности и границы социального участия индивидов исторически обусловлены (ограничены). Индивиды создают общество не по собственному выбору и не в соответствии с намеченным планом, а в контексте неосознаваемых условий действия и его непредвиденных последствий.

Климов Иван Александрович – научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: 481-90-09; Факс: 719-09-70. Электронная почта: klimov@orc.ru

4. Структуры оказывают не только ограничивающее влияние, но и создают возможность для человеческой деятельности.

5. Структуры производятся и воспроизводятся в результате рутинной (повседневной, повторяющейся, воспроизводимой) практики.

БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ

Критика структурализма и функционализма

С 40-х годов ведущими социологическими концепциями были структурализм и функционализм. В функционализме понятие “структура” неразрывно связано с понятием “функция”. “Структура” соотносилась с анатомией, а “функция” – с физиологией организма. Структура выступала в качестве описательного понятия и понималась через соотнесение с “образцами” общественных отношений, а функция несла преимущественно объяснительную нагрузку и интерпретировалась как работа этих образцов.

Структурализм возник в лингвистике как попытка применить структурно-лингвистические модели для объяснения культурных феноменов. Центральными для развития этого подхода стали идеи Ф. де Соссюра: разделение языка и речи, произвольный характер знака, образование знака через связь обозначаемого и обозначающего, дуалистический принцип синхронии и диахронии. В структурализме использовалась другая аналогия “структуры” и “функции”: код и сообщение, язык и речь. Понятие “структуры” несет большую объяснительную нагрузку и связано с понятием изменения, трансформации.

Общими для обозначенных подходов являются три момента.

1. Структурализм и функционализм сходятся в том, что придают особое методологическое значение принципу разделения синхронии и диахронии. Синхрония изучает отношения, которые связывают сосуществующие элементы в систему; диахрония – отношения между элементами, следующими друг за другом во времени и не образующие систему. Применительно к анализу социальных систем дуальность этих понятий была зафиксирована в терминах “статика” и “динамика”.

Дуалистические принципы, связанные с разделением языка и речи и синхронии-диахронии связаны: язык может быть подвергнут синхронному анализу, изучать речь можно только диахронически. По Гидденсу, нельзя понять природу системы (социальной или языковой), не изучая ее изменения. Средства, с помощью которых воспроизводятся и существуют языковые или социальные системы, одновременно содержат в себе и источники изменения [2, p. 18].

Важным вкладом в решение рассматриваемой проблемы стала философия позднего Л. Витгенштейна. Витгенштейн обратил внимание на то, что язык сосуществует с тем, о чем нельзя сказать; он зависит от нелингвистического, связанного с обыденным, повседневным, “с практикой, которая содержит формы жизни”. Социальное пространство оказывается источником значения слов, а сам язык дифференцирован по социальным практикам. Поэтому познание языка тесным образом связано с познанием объективного мира, практики.

2. Структурализм и функционализм отдают предпочтение социальной структуре, утверждая ее доминирование по отношению к действию и к субъекту действия. Структура понималась многими социальными аналитиками функционализма как разновидность моделирования социальных отношений, социальных явлений. Она подразумевала дуализм субъекта и объекта и полагалась “внешней” по отношению к субъекту. В структурализме она разрабатывалась как пересечение присутствующего и отсутствующего, когда необходимо различать коды, лежащие в основании поверхностных значений. Однако между системным уровнем языка и индивидуальной речью пропущено, по мнению Гидденса, важное звено: “теория компетентного говорящего, носителя языка” [2, р. 17].

Таким образом, одной из важнейших задач социальной теории является создание теории действующего субъекта. Так, например, в интерпретирующей социологии постулируется первенство субъекта, понятие “смысла” человеческого действия является основным в концепциях объяснения поведения индивида. “Предметом социальных наук, в соответствии с теорией структуризации, является не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени. Социальная деятельность... является повторяющейся. Это означает, что она не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится ими, причем теми же самыми средствами, которыми они реализуют себя как акторы” [3, р. 2]. Предлагая новое толкование термина “структура”, Гидденс не отвергает его традиционное использование, указывающее на общие институциональные черты обществ, например “классовая структура” и т.д.

3. Структурализм и функционализм разводят понятия “структуры” и “системы”, однако эта попытка не вполне удачна. Ф. де Соссюр, сравнивая язык с шахматами, подразумевал под “системой” набор установленных зависимостей между элементами языка. Структура выражает собой то, что остается относительно устойчивым при различных преобразованиях системы. Однако, замечает Гидденс, из-за значительного совпадения содержаний этих понятий (система часто выступает в качестве определяющей характеристики структуры), теоретики структурализма отдают предпочтение именно “системе”: “Понятие “структуры”, введенное Ельмслевом и Пражским кружком, не дополнило понятие “системы”, а, скорее, привело к замене первого на второе” [2, р.61]. Различение структуры и системы в функционализме основано на различии “структуры” и “функции”. Структура существует независимо от физиологии организма, мертвый организм некоторое время сохраняет структуру. Однако, эта аналогия не работает при изучении социальных систем: они перестают существовать, прекратив функционирование, их существование –совпадает с воспроизводством во времени. В социальном организме структура и функция зачастую совпадают [2, р. 61-62].

Теория действия и действующего субъекта. В социальной теории “действие” и “структура” предполагают друг друга, и признание этой зависимости требует, по мнению Гидденса, переопределения этих терминов. Действие, в терминологии Гидденса, – это непрерывный поток поведения, а

не отдельные акты, это “течение действительных или предполагаемых причинных вмешательств телесных существ в непрерывный процесс событий в мире” [2, р. 55].

При построении теории действия Гидденс руководствуется тремя базовыми положениями:

1. Действие связано с субъектом и не может рассматриваться вне теории “действующего “Я”, оно связано с характеристиками действующего лица как субъекта.

2. Действие связано с “вмешательством” субъекта в потенциально поддающийся изменениям мир – объект. Упорядоченные действия следует рассматривать как размещенную во времени и пространстве практику. Именно практика является связующим звеном между теорией действия и структурным анализом.

3. В любой момент времени индивид имеет возможность либо вмешиваться в “события мира”, либо воздерживаться от этого.

Таким образом, теория действия состоит из трех разделов: стратификационная модель агента, стратификационная модель действия и проблема интенциональности действия.

Стратификационная модель агента. Гидденс предлагает отказаться от традиционной психоаналитической триады “эго”, “супер-эго” и “ид”. Основной довод заключается в том, что ее оказывается недостаточно для анализа практического сознания – ключевого понятия стратификационной модели агента.

Дискурсивное сознание

Практическое сознание

Бессознательные мотивы / познавательная способность

Практическое сознание представляет собой неартикулированное, порой нерелексируемое знание, которое индивид не может сформулировать дискурсивно, но, тем не менее, умело применяет его при реализации той или иной линии поведения. В теории психоанализа к этому понятию, по мнению Гидденса, наиболее близко понятие “пред-сознательного”.

Дискурсивное сознание – рассудочный, понятийный, логический уровень сознания индивида. Граница между дискурсивным и практическим сознанием может меняться в процессе социализации, в зависимости от способностей и склонностей индивида. Равным образом отличается сказанное от сделанного [3, р. 7]. Разведение этих двух уровней сознания связано с существованием ряда человеческих качеств, таких, как способность артикуляции, способность рефлексии и способность к обману.

Бессознательные мотивы / познавательная способность. Мотивы относятся к желаниям, которые побуждают к действиям. Это – потенциал действия, который его санкционирует. Мотивы порождают общие планы, программы, в терминологии А. Шютца – “проекты”, в рамках которых задается линия поведения. “Мотивы имеют прямое отношение к действию только при относительно необычных обстоятельствах, в ситуациях, которые

так или иначе отличаются от рутинных” [3, р. 6]. Бессознательное отделено от дискурсивного и практического сознания барьерами, основанными на психологической репрессии.

Отсюда продолжить правку

Стратификационная модель действия. Стратификационная модель действующего агента оказывается составной частью стратификационной модели действия. Основным понятием в ней является “рефлексивный мониторинг действия” (reflexive monitoring of action). Рефлексивный мониторинг действия – это постоянная, неотъемлемая характеристика повседневного действия любого индивида. “Это значит, что они не только сознательно отслеживают ход своей деятельности, ожидают, что другие поступают аналогично, но что они также рутинно отслеживают физические и социальные контексты, в которых находятся” [3, р. 5]. Гидденс особо подчеркивает, что рефлексивный мониторинг включает в себя отслеживание взаимодействий, а не только поведения отдельных индивидов.

Рефлексивный мониторинг обусловлен интенциональным (целевым) характером человеческого действия; при этом “интенциональность”, (целесоопределенность, целеполагание) выступает как процесс, как рутинная составляющая человеческого поведения. Это понятие не предполагает, что действующие индивиды имеют определенные цели, непрерывно и осознанно поддерживаемые в сознании в процессе их деятельности. Однако, именно на нем основывается такая особенность социальной жизни, как “объяснимость человеческого действия”.

Способность индивида “объяснять” свое действие, находить причины и цели его, является рационализацией. Рационализация действия (rationalisation of action) – это способность индивида рутинно поддерживать постоянное “теоретическое понимание” оснований своей деятельности. Эта способность не является тождественной дискурсивному осмыслению и объяснению своего поведения. Это – умение объяснять намерения и причины действия, поведения. “Рационализация действия в качестве устойчивой характеристики повседневного поведения является неотъемлемой чертой поведения компетентных социальных субъектов, и представляет собой главное основание, по которому окружающие судят о “компетентности” индивида” [2, р. 57].

Умение объяснять означает способность индивида формулировать обоснования (reasons), которыми индивид описывает и подкрепляет свои действия. Гидденс подчеркивает, что обоснования черпаются из тех же запасов знания, что используются при производстве и воспроизводстве самих человеческих действий. Иными словами, происхождение и самого действия, и его объяснений основывается на одном и том же социальном знании.

Способности индивида делать как первое, так и второе зависит от величины “запасов” такого знания у индивида. “Запасы знания” (stocks of knowledge) определяются дискурсивными способностями, интеллектуальными предпочтениями и склонностями индивида, и

составляют его социальную компетентность. Кроме того, необходимо отметить, что значительная часть запасов знания проистекает, или основывается на “практическом сознании” – это понятие было определено выше. Поэтому нельзя говорить об их безусловной целостности и систематизированности. Обоснования фрагментарны, в повседневной жизни они предстают как ответы на разрозненные и довольно спонтанные вопросы, которые инициированы либо окружающими, либо возникают в процессе саморефлексии.

Обоснования могут быть не связанными напрямую с нормами и общественными конвенциями, обращены к ним или упоминать их. В этом важное отличие представлений Гидденса от парсоновского понимания действия, управляемого интернализированными нормативными императивами.

Следует предупредить возможное отождествление обоснований, дискурсивное подкрепление практического повседневного поведения, с рационализацией действия. Их соотношение неоднозначно. Гидденс выделяет по крайней мере три фактора, не позволяющих провести отождествление понятий [2, р. 57-58].

1. Индивид может привлекать обоснования, которыми он не руководствовался (обман, введение в заблуждение).

2. Возможности рационализации, осмысления действия теряются как в бессознательном индивида, так и в его запасах знания. Это понятие, взятое у Шютца, Гидденс несколько уточняет: общие, обоюдные, совместные знания (*mutual knowledge*). Практический характер совместных знаний соответствует “знанию правила” у Витгенштейна. Совместные знания, на которые ориентируется и которые использует индивид при взаимодействии, не всегда известны взаимодействующим в систематизированной форме. Объяснения своих действий зависят от степени четкости совместного знания, пусть не выраженного в систематизированной форме, но понимаемого и принимаемого взаимодействующими.

3. На четкость формулировок объяснений влияют бессознательные элементы мотивации. Происходит рационализация, описанная Фрейдом: смещающее воздействие бессознательного на процессы рационального объяснения.

Концепция бессознательного, полагает Гидденс, весьма важна для социальной теории. В философии действия, полагает он, термин “мотив” употребляется в контексте обоснований действия и преднамеренного поведения; проблематике бессознательного не уделяется должного внимания. Для Гидденса очевидно, что существенной частью мотивации действия (*motivation of action*) является именно бессознательная мотивация. Поэтому в стратификационной модели действия она должна быть отделена от двух других категорий. Мотивация не связана напрямую с действием, это, скорее, его потенциал, а не способ, которым действие осуществляется агентами.

Психоаналитический подход предполагает внутреннюю иерархичность мотивации, считает, что мотивация пронизана влиянием как бессознательного, так и рефлексивного, сознательного аспектов познания и эмоций. Бессознательное может быть исследовано только в его отношении с

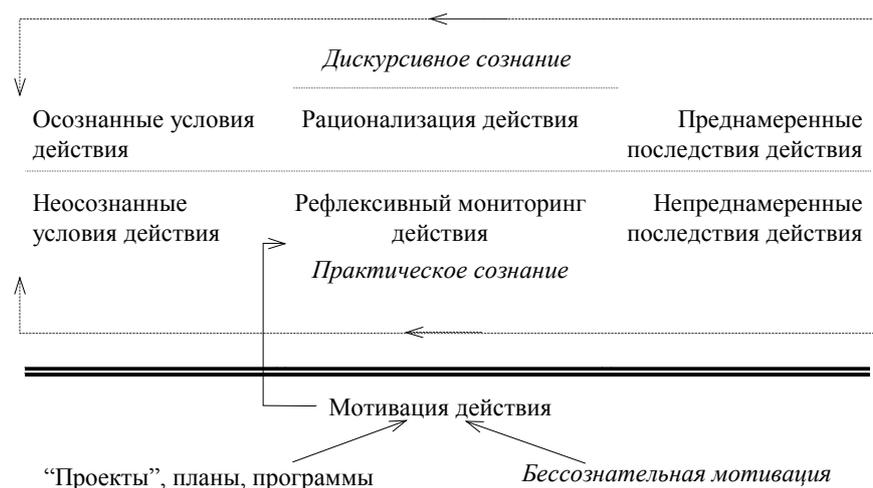
сознательным – с рефлексивным мониторингом и рационализацией действия, основанными на практическом сознании. Тем не менее, не следует преуменьшать роль сознательного и акцентировать бессознательное, полагая, что рефлексивные характеристики действия являются лишь проявлением бессознательных процессов (несмотря на то, что действительно существует такая детерминация).

“Теория мотивации имеет ключевое значение, поскольку обеспечивает нас концептуальными связями между рационализацией действия и рамочными конвенциями, воплощенными в институтах (хотя значительная часть социального поведения может считаться не мотивированной непосредственно). Однако, теории мотивации приходится обращаться и к неосознанным обстоятельствам действия, принимая во внимание бессознательные мотивы, действующие вне области самопонимания действующего индивида. Бессознательное охватывает только те обстоятельства, которые связаны с непреднамеренными последствиями действия” (the unintended consequences of action) [2, p. 59].

Непреднамеренные последствия действия систематически участвуют в процессе воспроизводства институтов, правил, обычаев и способов действия, и напрямую связаны с неосознанными обстоятельствами (unacknowledged conditions), как это определяет теория мотивации. Участвуя в воспроизводстве социального, такие непреднамеренные последствия в свою очередь становятся обстоятельствами действия – осознанными или же неосознанными.

Руководствуясь рассуждениями Гидденса о различных компонентах стратификационной модели действия, можно сконструировать более полную схему его теории действия (рис. 1).

Рис. 1. Теория действия

Разрабатывая теорию действия, описывая соотношение разных уровней стратификационной модели, Гидденс особое внимание уделяет проблеме интенциональности. Его позиция относительно этой характеристики человеческой деятельности представляется важной для понимания основных принципов теории структуриации.

Природа деятельности и проблема интенциональности. Интенциональность – характеристика действия, приписываемая ему действующим агентом и отражающая установку агента на достижение определенного качества или результата. Ход повседневной жизни – это поток интенциональных действий. Они частью своей имеют непреднамеренные результаты, связанные обратной связью с неосознанными условиями действия. Так, говорение – интенционально, а участие в воспроизводстве языка как целого – непреднамеренно. То есть, действие не интенционально в отношении его сопутствующих эффектов и непреднамеренных результатов.

Чем более удалены последствия действия во времени и пространстве, тем с меньшей вероятностью эти следствия будут интенциональными. Эта вероятность обуславливается возможностями агента предвидеть последствия действия а также тем объемом власти, которую агент способен мобилизовать. “Обычно мы думаем, о том, что агент “делает” <участвует в чем-то>... как о чем-то, находящемся более или менее в пределах контроля агента. В большинстве сфер жизни и для большинства форм деятельности горизонт такого контроля ограничен непосредственными контекстами действия или взаимодействия” [3, р. 11].

Гидденс соглашается с трактовкой интенциональности поведения Р. Мертона. Каждый элемент деятельности может иметь незначимые, значимые, единично значимые и многозначные последствия. “Значимость” определяется исходя из конкретной проблематики социального исследования или теории. Однако, по мнению Гидденса, рассуждая в терминах Мертона (явная / латентная функции), невозможно четко разобраться с проблемой рационального / иррационального, с соотношением желание / интенция.

Вместе с тем, Гидденс принимает идею связи непредвиденных последствий с институционализированными (укоренившимися) практиками. Такая связь должна анализироваться в трех контекстах, разделяемых аналитически.

1. Последствия единичного события или контрфактуальность: анализ первоначального обстоятельства и вызванных им событий; единый набор событий анализируется методом от противного – какими была бы цепочка, если бы первоначального события не было.

2. Последствия комплекса индивидуальных действий: конечный результат происходит как непредвиденное последствие совокупности независимых интенциональных действий.

3. Воспроизводство институциональных практик: непредвиденные последствия формируют новые условия действия в нереплексивном цикле с обратной связью.

Важной составляющей проблемы интенциональности является соотношение действия и власти (power). Понятие власти Гидденс более

подробно разрабатывает при описании свойств структуры; этот термин будет рассмотрен в разделе, посвященном социальным институтам и структурным свойствам социальных систем. Здесь же необходимо отметить, что действие предполагает власть – способность индивида вмешиваться в события или воздерживаться от вмешательства, что и оказывает влияние на какой-либо процесс или положение дел. В контексте социального взаимодействия власть предполагает некие регулярные отношения автономии и зависимости между акторами. “Для того, чтобы быть агентом, необходимо реализовывать способность к использованию (постоянно, в повседневной жизни) всего спектра власти, включая и воздействие на использование власти другими... Агент перестает быть агентом, если теряет способность “преобразовывать”, т.е. реализовывать определенный вид власти” [3, p. 14]

Таким образом, участие агента в “событиях мира” относится не к намерению индивида сделать что-то, а в первую очередь к способности индивида осуществлять действия. То есть, главное в обуславливании действия – не интенциональность его, а способность производить эффект, или другими словами – осуществление власти.

Власть сама по себе не является ресурсом. Ресурсы – это средства, с помощью которых исполняется власть – рутинная оставляющая поведения в социальном воспроизводстве. Во всех социальных институтах с необходимостью присутствуют структуры доминирования, реализующие и организующие отношения автономии / зависимости. Однако, все формы зависимости в то же самое время предполагают некоторые ресурсы, посредством которых те, кто подчинен, могут влиять на действия тех, кто подчиняет. В этом заключается диалектика контроля (*dialectic of control*) в социальных системах [3, p. 16].

Иными словами, властные отношения взаимобратимы, отношения автономии и зависимости действуют в обоих направлениях. Диалектика контроля встроена в саму природу деятельности: “Субъект, который не участвует в диалектике контроля, перестает быть субъектом действия” [2, p. 149].

Понимание действующих индивидов себя и своей социальной среды в структурно-функциональных теориях подвержено излишней переоценке влияния господствующих систем идеологических символов на низшие классы. Группы наиболее влиятельного класса оказываются наиболее сильно приверженными господствующим идеологиям. Субкультуры локализуются, “закрываются” посредством скептицизма в отношении “официальных” или господствующих точек зрения об обществе, тем самым дистанцируясь от них. Но ошибкой было бы предположение, что представители подчиненных слоев общества не могут быть в большей степени пронизаны условиями социального воспроизводства, чем те, кто господствует над ними. Те, кто принимает господствующие способы суждений без каких бы то ни было сомнений, в большей степени несвободны от них, чем те, которые осуществляют свое господствующее положение с помощью таких суждений [2, p. 72].

Теория структуризации

Термин “структурация” в первые употребляется Гидденсом в книге “The class structure of the advanced societies” (1973). Его появление обусловлено желанием Гидденса подчеркнуть, что классовые отношения оказываются структурирующим фактором при формировании групп и установлении групповой принадлежности. В условиях модерна научное знание не столь сильно отличается от научного [3, р. 26]. Главное же заключается в том, что такое социально-научное знание становится условием действия в силу особого – рефлексивного характера современности. Социальные институты не только определяют действия индивидов, но воспроизводятся посредством рутинных, постоянных действий людей. Рефлексивность означает не только осознание этой закономерности, но и появление возможности и желания у определенных агентов инициировать социальные изменения – изменения в институциональном порядке, в социальном взаимодействии и т.д. Теория структурации и продолжающие ее концепции (социальных институтов; социальной и системной интеграции) призваны упорядочить понятийный и концептуальный аппарат для изучения социальных изменений современности.

Социальная структура, социальная система. Гидденс отмечает, что для построения теории структурации необходимо более четко концептуализировать понятия “социальной структуры” и “социальной системы”. Он не подвергает сомнению их тесную связь, но предлагает свой вариант разведения двух терминов – через соотнесение с понятием времени.

Структуры определяют и задают характеристики и свойства социальных систем или коллективных образований, то есть, обладают структурирующими свойствами (structuring property). Структуры существуют парадигматически – как виртуальный порядок элементов, и характеризуются отсутствием субъекта [2, р. 66]. Их структурирующее влияние обуславливает существование во времени и пространстве более или менее одинаковых социальных практик и придает им “систематическую” форму. Структура существует только через проявление в практике, которая ею организуется.

Социальная структура, таким образом, объединяет в себе две составляющие, разделяемые только аналитически. Во-первых, это оформление образцов, правил взаимодействия агентов (patterning of interaction), что подразумевает наличие отношений между индивидами или группами. И, во-вторых, это конституирование протяженности взаимодействия во времени [2, р. 62-63].

Структура – это генеративные (или порождающие) правила и средства (ресурсы), организованные как свойства социальных систем. Структуры не существуют во времени и пространстве, но обеспечивают их связность в социальных системах. Они могут существовать только как “структурирующие свойства” и характеризуются бессубъектностью.

Социальные системы включают в себя ситуативную деятельность людей; они состоят из практик, организованных как взаимозависимость субъекта действия и группы. Это взаимодействие размещено во времени и пространстве, и поэтому социальные системы можно интерпретировать как структурные “поля”, где агенты занимают определенные позиции по отношению друг к другу. Социальная позиция агента определяется как его

социальная идентичность, которая привносит с собой круг прерогатив и обязательств действующего субъекта. Это и есть ролевые предписания, связанные данной позицией. Таким образом, социальные системы обладают “структурными свойствами” и представляют собой “структурированную целостность”.

Социальная система – это воспроизводящаяся социальная практика, которой присущи отрегулированные отношения взаимозависимости между индивидами и группами, то есть – организованное социальное взаимодействие. Социальные системы существуют синтагматически – в пространстве и в потоке времени в виде реальных отношений людей или коллективов. Они обладают структурными свойствами (structural property), но при этом сами структурами не являются [2, p. 66].

Проработка каждого термина связана с рассмотрением понятий “правила” и “ресурсы”. Их стоит рассмотреть подробнее, поскольку они представляют собой структурные составляющие социальных систем.

Гидденс не согласен с разделением правил на конститутивные и регулятивные (санкционирующие). Правила предполагают “методические процедуры” социального взаимодействия, поскольку пересекаются с практиками в контексте актуальной ситуации. Правила относятся, с одной стороны – к выстраиванию значений, а с другой – к санкционированию способов социального поведения. Оба этих аспекта присущи любым социальным правилам.

Гидденс разводит знание правил (вернее, практическое их использование) и знание того, как их формулировать [3, p. 21-22]. Правила вторгаются в рутинные практики, но рутинная практика как таковая сама по себе правилом не является. Знание того, как действовать, не предполагает и не требует способности формулировать правила. Правильно говорить на родном языке может даже тот, кто не способен сформулировать правила этого языка.

Часто происходит смешение смыслов двух понятий: следование правилу и интерпретация правила. Первое из них – следование правилу – хорошо разработано в традиции, идущей от А. Шюца, основывающейся на идее повседневной типизации¹. Практическое знание, основанное на типизации, не охватывает все ситуации, с которыми сталкивается или может столкнуться агент. Оно обеспечивает его общую способность реагировать и влиять на неопределенно большой, но наиболее типичный, часто встречающийся спектр социальных ситуаций. Следование правилу совершенно не зависит от умения сформулировать правило, которому подчиняется определенное действие. Большинство правил социальных практик схватываются агентами только внутренне: они обучаются “техникам “делания” социальной деятельности”.

Дискурсивное выражение правила является его интерпретацией, т.е. изначально предполагает некоторое расхождение с правилом. В силу этого дискурсивное формулирование может изменять форму применения правила.

¹ Более подробно дискуссия по этой проблеме изложена в [9].

Так, законы – формальная кодификация социальных правил, имеющая градацию наказаний. Наказания – это форма применения правила, но не первоначального, а кодифицированного [2, р. 22-23].

Структурирующие качества правил можно изучать через их проявление в деятельности агентов, в процессах формирования, поддержания, прекращения и реформирования ситуаций. Управляемая правилами деятельность – не просто использование фиксированных правил для производства чего-то нового, это способ воспроизводства самих правил и средство их модификации.

Правила нельзя концептуализировать отдельно от ресурсов, которыми обуславливаются формы доминирования и власти. Ресурсы подразумевают власть – не как некоторое наличное состояние, а как потенциальная способность, неотъемлемо присущая социальной практике и проявляющаяся во взаимоотношениях агентов. В социальной и политической теории интерес к концепциям власти традиционен. Гидденс полагает, что есть две основополагающие интерпретации этого понятия. Первая – веберовская: власть как способность действующего индивида достигать желаемого, несмотря на возможное сопротивление, противодействие со стороны окружения. Вторая – парсонсианская: власть как свойство социальной общности, вторичное по отношению к нормативному характеру социальной жизни.

В рамках концепции “дуальности структуры” ни одна из этих интерпретаций не подходит. Гидденс предлагает понимать ресурсы как “основания” (bases) и “средства осуществления” (vehicles) власти. Он выделяет два типа ресурсов. Аллокативные относятся к материальной возможности – к формам управления объектами, товарами, материальными явлениями. Авторитативные ресурсы (полномочия) относятся к преобразовательным возможностям, управлению людьми, агентами. Власть порождается определенными формами господства, базирующимися на асимметрии ресурсов, одновременно с вовлечением правил в социальную практику [2, р. 68-69]. Разновидности практики располагаются (порождаются) внутри взаимопересекающихся наборов правил и ресурсов, которые выражают собой характерные черты той или иной социальной тотальности.

Двойственность структуры и теория структуриации. В основе теории структуриации лежит идея “двойственности структуры” (duality of structure). Дуальность структуры заключается в принципиально рекурсивном (самовоспроизводящемся) характере социальной жизни и выражается во взаимной зависимости структуры и субъекта действия [2, р. 69]. Гидденс говорит о способности структурных свойств социальных систем выступать как в качестве средства, так и в качестве результата практики, которая, как говорилось выше, и конституирует социальные системы. “Изучать структурирование социальной системы значит изучать, каким образом эта система, применяя порождающие правила и ресурсы и подвергаясь влиянию непреднамеренных результатов, производится и воспроизводится во взаимодействии <агентов>” [2, р. 66].

Структуризация (structuration) – процесс организации и воспроизводства системы общественных отношений, сопутствующий социальному взаимодействию и происходящий благодаря применению агентами порождающих систему правил и ресурсов.

Гидденс особо подчеркивает два момента в теории структуризации:

1. Теория отвергает какое-либо разграничение между статикой и динамикой, синхронностью и диахронностью.

2. Не следует отождествлять структуры с принуждением: структура как ограничивает, так и предоставляет, создает возможности. Задача социальной теории, по мнению Гидденса, заключается в том, чтобы изучать условия организации социальных систем, которые управляют взаимосвязями между созданием возможностей и их ограничением. “Каждое действие – производство чего-то нового, новое действие; но в то же время каждое действие существует в его продолженности из прошлого, предоставляющего средства для его начала. Таким образом, структуру не следует понимать в качестве препятствия на пути действия; она – всегда присутствующее значимое условие производства любого действия, в том числе и фундаментальных социальных изменений, которые, как любые другие действия, происходят во времени” [2, р. 70].

Гидденс предлагает такую конфигурацию понятий теории структуризации:

Структура	Наборы правил и ресурсов, организованных как структурные свойства социальных систем. Они поддерживаются, проявляется и координируется через “отпечатки” в памяти и характеризуется отсутствием субъекта.
Система	Воспроизводимые отношения между агентами (индивидами или коллективными образованиями), организованные как регулярные, постоянно повторяющиеся социальные практики.
Структуризация	Условия, управляющие преемственностью (постоянством) или трансформацией структур и, следовательно, воспроизводством социальных практик.

В соответствии с концепцией дуальности структуры, правила и ресурсы, которыми индивиды руководствуются при взаимодействии, одновременно являются не только средствами воспроизводства социального действия и социальной системы, но и сами они реконструируются посредством этого взаимодействия. Таким образом, структура представляет собой образ действия (mode), с помощью которого воспроизводится социальное – через установление отношений, связей между конкретным моментом и некоей тотальностью. Эти отношения отличаются от функционалистского понимания связи частей и целого в социальных системах. “Структура есть способ, посредством которого отношение между моментом и целостностью выражается в социальном воспроизводстве” [2, р. 71].

В концепции Гидденса структурные свойства социальных систем, образующие и отличающие их друг от друга, отражают “диалектику присутствия и отсутствия (presences & absences) в пространстве и времени”, которая связывает самые простые формы социального действия со структурными свойствами всего социума. Для прояснения этого положения Гидденс предлагает аналогию с произнесением предложения. Этот пространственно-временной акт происходит в условиях фактического отсутствия синтаксических правил языка. Однако, этот акт возможен благодаря существованию набора этих правил, конституирующих язык как тотальность, целостность. Такая связь между конкретным моментом и тотальностью “заключает в себе диалектику присутствия и отсутствия, связывающую мельчайшие и тривиальные формы социального действия со структурными свойствами всего общества” [2, p. 71].

Концепция общества

После общетеоретических рассуждений и концептуализации основных понятий теории структуризации Гидденс переходит к рассмотрению проблем, связанных с применением его ключевой идеи для изучения общества, социального взаимодействия и социальных изменений. Можно выделить три направления такой работы: разработка концепции социальных институтов, разработка теории социальной и системной интеграции также концепции социализации, социальной позиции и психологии модерна.

Социальные институты. Структуры, существующие только как “структурирующие качества” определяют характерные черты социальной системы. Структурные качества социальных систем выражаются в ее институциональном устройстве. Гидденс разделяет понятия института (institution) и социальной системы. Институты относятся к стандартизированным способам поведения, которые играют ключевую роль в организации социальных систем, обеспечивая их пространственно-временную непрерывность и преемственность. Стандартизация поведения подразумевает во-первых, его ориентированность на повседневную практику, во-вторых, воспроизводство и постоянную перестройку этих стандартов в зависимости от контекста повседневной социальной деятельности. То есть, одновременно с воспроизводством структурных качеств системы воспроизводятся и контексты действия – условия, которые делают возможным повседневную социальную деятельность [2, p. 83].

Институты – наиболее стабильные черты социальной жизни, практики, локализованные в пространстве и длящиеся (повторяющиеся) во времени. Привычное поведение индивидов и коллективных агентов, расположенных в разных секторах социальных систем, в значительной степени обуславливает интеграцию социетальных тотальностей посредством рутинного воспроизводства структурных качеств систем.

Специфическое сочетание структурных свойств той или иной социальной системы, выраженное в ее институциональном устройстве, является основной отличительной и идентифицирующей характеристикой того или иного общества [3, p. 164]. Поэтому необходимо уделить особое внимание именно этой теме.

Структурные свойства социальных систем. Структурные характеристики, проявляющиеся в социальных системах и организующие их, имеют три аспекта: сигнификация, господство и легитимация. Гидденс подчеркивает, что такое разделение – только аналитический прием, поскольку в практике все три свойства основываются и выражаются друг через друга. “Если сигнификация структурируется в и через язык, язык в то же время выражает аспекты господства, а коды, включенные в сигнификацию, имеют нормативную силу” [2, p. 106-107].

Сигнификация (signification). Любая социальная система производит правила и коды значений. Они выступают как правила порождения знаков. В качестве аналогии можно привести правила синтаксиса и пунктуации, управляющие производством лингвистических знаков и знаков препинания во время и в контексте практики (письмо, говорение).

Господство (domination). Господство как принцип, как характерная черта социальных систем основывается на двух типах ресурсов: полномочия, санкционирование (authorisation) – способность управлять, командовать другими людьми и распределение (allocation) – возможность распоряжаться материальными объектами. Этими двумя способностями организуются властные отношения при взаимодействии. [2, p. 100].

Легитимация (legitimation): производство нормативного порядка, нормативное обусловливание и регуляция взаимодействий, предполагающее наличие способов такой регуляции.

Взаимосвязи внутри этой схемы (отображаемые Гидденсом через сочетание начальных букв терминов) являются основой для классификации институтов в их взаимозависимости внутри социальной целостности [2, p. 107].

1. S-D-L: Институциональные формы, через которые конституируется символический порядок социального целого (способы дискурса).

2. D (полномочия)-S-L: Политические институты.

3. D (распределение)-S-L: Экономические институты.

4. L-D-S: Законы, способы санкционирования.

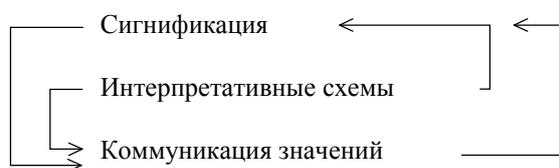
Это – наиболее общая типология социальных институтов, построенная на пересечении структурных свойств социальных систем. Помимо них Гидденс выделяет еще ряд институциональных характеристик систем социального взаимодействия (institutional features of systems of social interaction), которые присутствуют в социальной практике и выступают средствами воспроизводства социальной системы: коммуникация значений, интерпретативные схемы, норма, санкция, власть, способность [2, p. 81].

Гидденс поясняет, что эти характеристики социальных систем выступают как модальности структурирования. Их аналитическое выделение основано на принципе дуальности структуры и должно помочь в изучении конкретных обществ. Принцип дуальности структуры заключается в способности структурных свойств социальных систем выступать как в качестве средства, так и в качестве результата практики. Гидденс предлагает наглядную схему, в которой господство (власть) как структурная характеристика социальных систем рассматривается на основе принципа

дуальности (рис. 6). По этому примеру можно построить схемы относительно других структурных характеристик.

Коммуникация значений (кодов) – контекстуальное взаимодействие “запасов знания”.

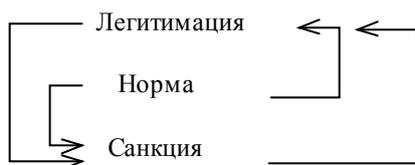
Интерпретативные схемы – стандартизованные элементы “запасов знания”, на которые ориентируются индивиды при взаимодействии. Это – стержень “совместного знания”, с помощью которого поддерживается объяснимый универсум значений в любом контекстуально ориентированном взаимодействии [2, р. 83].

В процессе взаимодействия агенты используют не только “совместное знание”; в это же время происходит производство значений на основании контекстуального использования “запасов знания” каждого из агентов. Контекст взаимодействия принимает вид интегральной части коммуникативной интеракции и наряду с рутинным использованием интерпретативных схем участвует в производстве упорядоченного “совместного знания”.

Норма – нормативное конституирование (производство) значений и наборов взаимных ожиданий агентов, которое можно рассматривать как актуализацию прав и приведение в действие обязанностей.

Санкция – реальная или предполагаемая (в силу ее нормативности) ответная реакция воспрепятствования / санкционирования социального поведения.

С точки зрения теории структурирования нормы, входящие в системы социального взаимодействия, должны поддерживаться и воспроизводиться в процессе социального взаимодействия. Если при институциональном анализе (анализе структурных характеристик социальных систем) нормы предстают как институционально скоординированное соотношение прав и обязанностей, то с точки зрения анализа стратегического поведения нормы предстают как требования, существование которых определяется регулярной и успешной мобилизацией обязанностей агента через посредство ответных реакций других агентов [2, р. 86]. Компетентный агент оценивает вероятность применения санкций относительно той или иной формы своего общественного поведения и решает – подчиниться ли норме и санкциям ради

достижения цели. Санкционирование является неперменной характеристикой любых социальных взаимодействий и обязательно должно иметь открытый характер соотнесения с нормой. Так, подчинение лингвистическим правилам достигается в результате повседневного использования языка в качестве средства поддержания объяснимости его знаков.

В реальном социальном взаимодействии симметричность между правами и обязанностями может нарушаться.

Власть – трансформирующая потенция социального взаимодействия. Гидденс дает такое уточняющее определение: “...взаимодействие, при котором трансформирующая потенция реализуется в попытках акторов заставить окружающих подчиниться их желаниям” [2, р. 93].

Способность – ресурсы осуществления власти, определяющие вероятность достижения агентом преднамеренных результатов во взаимодействии с другими агентами.

Если действие предполагает преднамеренное вмешательство в ход событий в мире, то власть является принципом такого вмешательства, а ресурсы представляют собой средства, благодаря которым в ходе обычного социального взаимодействия трансформирующая потенция используется как власть. “Осуществление власти не есть разновидность действия; скорее власть проявляется в действии как в регулярном и рутинном явлении. Более того, было бы ошибкой считать ресурсом саму власть... Ресурсы представляют собой средства, благодаря которым осуществляется власть и воспроизводятся структуры господства” [2, р. 91]. То есть, следуя принципу дуальности структуры, ресурсы предстают в двойном измерении: как средство осуществления взаимодействия, и как структурный элемент социальных систем, участвующий в их воспроизводстве.

Социальные институты и стратегическое поведение. Многие социологические концепции допускают методологическую ошибку, пренебрегая индивидуальными обоснованиями действий (в терминах Гидденса – рационализацией) для обнаружения стимулов деятельности. Отсюда проистекает установка (явная или неявная) к игнорированию индивидуальных точек зрения при реализации каких-либо практических программ [2, р. 72]. “Все члены общества достаточно компетентны в том, что касается практического исполнения социальной деятельности... Знание, которым они обладают, не является случайным по отношению к постоянному (теоретическому) моделированию социальной жизни, а является интегральной его частью” [3, р. 26].

Гидденс предлагает использовать два разных аналитических подхода при изучении структурных свойств социальных систем. Разграничение двух типов анализа носит не содержательный, а методологический характер; это

не две сущности, а два способа суждения об одном объекте – о структуре, в которых отражается ее основное свойство – двойственность, дуальность.

Институциональный анализ должен рассматривать постоянно воспроизводимые свойства социальных систем. Он необходим для изучения истории социальных институтов и их структурного преобразования. При рассмотрении устройства социальных систем с точки зрения стратегического поведения агентов (*strategic conduct*) изучается образ действия, способ использования структурных элементов, присутствующих в социальных системах, действующими индивидами в их социальном взаимодействии. “Структура” проявляется здесь в мобилизации дискурсивного и практического сознания акторов при социальных взаимоотношениях.

Социальные институты не действуют латентно, “за спинами” индивидов. Институты рассматриваются Гидденсом как установившаяся практика, укорененная в пространстве-времени. Иными словами, она обладает двумя существенными качествами. Во-первых, воспроизводимостью и временной протяженностью – она является длящейся, и, во-вторых, распространенностью среди членов сообщества или социума [2, р. 80]. Именно поэтому Гидденс особо подчеркивает необходимость анализа стратегического поведения агентов при обязательном *epoche*² на изучение институциональных свойств системы.

Любой компетентный представитель любого общества хорошо осведомлен о его социальных институтах, это знание необходимо для деятельности общества. Индивид, агент характеризуется фундаментальной, принципиальной способностью к сознательности (*knowledgeability*), которая основана скорее на практическом, чем на дискурсивном сознании. Разумеется, сознательность всегда ограничена. Индивиды могут не знать обо всех разветвленных и отдаленных (во времени и пространстве) последствиях действия, в которое они включены, а эти последствия, в свою очередь, могут формировать новые условия действия: “История творится интенциональной деятельностью, но не является интенциональным проектом. Она постоянно ускользает от попыток провести ее по какому-то задуманному направлению” [3, р. 27]. Тем не менее прогнозирование будущего, его открытость рефлексивному знанию индивидов становится существенным элементом развития современных обществ. Гидденс связывает это с развитием абстрактных систем, разорвавших контекстуальную (пространственную и временную) подчиненность и обусловленность социального взаимодействия и существенно изменивших принципы социальной и системной интеграции.

Социальная и системная интеграция. Гидденс следует за Гоффманом в понимании пространственно-временного упорядочения социальной деятельности. Пространственно-временные отношения рассматриваются как фундамент производства и воспроизводства социальной жизни, а не как отношения, которые накладывают границы на социальную деятельность. Отношения в условиях соприсутствия состоят из того, что Гоффман назвал ситуациями, встречами, переходящими во времени и пространстве.

² Приостановка, воздержание от суждения.

Отношения с физически отсутствующим подразумевают социальные механизмы, отличные от используемых в контекстах соприсутствия [3, р. 36-37].

Такая особенность социальных систем, как способность саморегуляции, должна изучаться, по идее Гидденса, посредством теории системного противоречия (system contradiction). Его концепция включает в себя определение таких понятий, как: “социальная интеграция”, “системная интеграция”, “социальное противоречие”, изучение принципов воспроизводства систем а также разработка идеи “абстрактных систем” как основы системной интеграции.

Теория системного противоречия: социальная и системная интеграция. Повторим: системы социального взаимодействия складываются в результате взаимозависимости действующих индивидов и групп. Их воспроизводство основано на принципе двойственности структуры (средство и результат практики) и происходит в ограничивающих условиях рационального осмысления действия индивидом (агентом). Они обладают структурными свойствами, но при этом сами структурами не являются; системы существуют в пространстве и в потоке времени в виде реальных отношений людей или коллективов. Необходимость изучения феномена интеграции вытекает именно из последнего свойства социальных систем.

Гидденс особо подчеркивает, что понятие “интеграции” не является синонимичным понятиям “сплоченность” или “консенсус”. Интеграция – это упорядоченное взаимодействие между индивидами, коллективными образованиями, основанное на отношениях относительной автономии и зависимости между участниками взаимодействия. Отношения автономии / зависимости участников взаимодействия Гидденс называет “взаимным обменом практиками” (reciprocity of practices) [2, р. 76].

Социальная интеграция понимается Гидденсом как взаимодействие на личном уровне, предполагающее отношения автономии / зависимости индивидов при их личном соприсутствии. Гидденс особо подчеркивает значимость пространства, присутствия агентов “здесь и сейчас” при их взаимодействии “лицом к лицу”.

Системная интеграция – взаимодействие между агентами, социальными системами, тотальностями, их взаимный обмен практиками автономии / зависимости в раздвинутых пространственно-временных промежутках.

Взаимозависимость действий, или “системность” (systemness), на уровне социальной интеграции возникает посредством рефлексивного мониторинга действия и рационального осмысления действия. Это связано с нормативными предписаниями, санкциями и осуществлению властной потенции. Отношения с физически отсутствующим подразумевает функционирование других механизмов, отличающихся от тех, что используются в ситуации соприсутствия. “Здесь мы имеем дело с фундаментальными вопросами структурирования социальных институтов” [3, р. 37].

Гидденс особо подчеркивает, что взаимозависимость действий на уровне социальной интеграции фундаментальна по отношению к системности тотальностей. Социальная интеграция является опорой

системной интеграции, поскольку именно на уровне первой осуществляется воспроизводство социальных институтов, основанное на принципе дуальности структуры. Дуальность структуры соотносит мельчайшие проявления повседневного поведения со структурными характеристиками социальных систем. “Когда я в случайном разговоре произношу грамматически простроенное английское предложение, тем самым я вношу вклад в воспроизводство английского языка как целого. Это является непреднамеренным следствием <поведенческого акта>: произнесения предложения, который напрямую связан с рекурсивностью <самовоспроизводством> дуальности структуры” [2, р. 77-78].

В данном примере социальная интеграция (речевая коммуникация) и системная (воспроизводство языка как системы) слиты воедино, оказываются одним и тем же процессом. Может показаться тогда, что разделение двух типов интеграции излишне. Однако, “непреднамеренные последствия действия выходят за пределы рекурсивных эффектов дуальности структуры: они дают начало новой серии влияний, которые могут быть поняты в терминах <именно> системной интеграции...” [2, р. 78].

В последней цитате важно подчеркнуть, что непреднамеренные последствия дают начало новой серии влияний и оказываются условиями дальнейших действий. То есть, понятие социальной системы, если брать его в самом обобщенном виде, характеризует воспроизводимую взаимозависимость действий (*reproduced interdependence of action*). Гидденс соглашается с определением этой характеристики, данным А. Этциони: это “отношение, при котором изменения в одной или более составных частях вызывают изменения в других составных частях, а те, в свою очередь, производят изменения в частях, где имели место первоначальные изменения” [8, р. 417].

Одним из источников термина “система” стала теория систем Берталанфи, в рамках которой было концептуализировано понятие системы с процессами обратной связи. С точки зрения Гидденса социальные системы – системы более высокого порядка, характеризующиеся именно способностью саморегуляции и самовоспроизводства [2, р. 75]. Привычное поведение индивидов и коллективных агентов, расположенных в разных сегментах социальной системы, в значительной степени обуславливает интеграцию социетальных тотальностей посредством рутинного воспроизводства структурных качеств систем.

Принципы воспроизводства социальных систем. Гидденс выделяет ряд компонентов системной интеграции, которыми характеризуется ее “системность”. Институционализирующая сеть взаимосвязей, обеспечивающая системную интеграцию и управляющая воспроизводством системы, действует сообразно трем принципам:

1. Действие гомеостатических каузальных петель.
2. Саморегуляция посредством обратной связи и селективной информационной фильтрации
3. Рефлексивная саморегуляция.

Гомеостатические каузальные петли (*homeostatic causal loops*). Взаимозависимость частей системы осуществляется посредством причинных

отношений, при которых изменение одной части вызывает последовательность событий, влияющих на другие части системы, а эти изменения, в свою очередь, снова оказывают влияние на элемент системы, с которого началась последовательность изменений. О гомеостатичности каузальных петель можно говорить в том случае, когда влияние на элемент системы, с которого началась последовательность изменений, направлено на возврат его в первоначальное состояние. Гомеостатические каузальные процессы являются важной характеристикой воспроизводства социальных систем, но являются свойством более низкого порядка, нежели саморегуляция посредством обратной связи.

Саморегуляция посредством обратной связи (self-regulation through feedback). Механизмы обратной связи также могут создавать какое-либо состояние, но в отличие от гомеостатических каузальных процессов, они могут стимулировать контролируемое изменение, т.е. быть направленными. Этот тип саморегуляции систем основан, по мнению Гидденса, на принципе “информационной фильтрации”: контролирующего влияния на элементы цикла. Обратная связь управляет процессом направленного изменения посредством “контролирующих фильтров”, например – вступительные экзамены в учебное заведение. Пособием селективного информационного отфильтровывания акторы на стратегически важных местах пытаются рефлексивно регулировать общие условия системного воспроизводства для того, чтобы поддержать существующее положение вещей, либо изменить его [3, p. 27-28].

Рефлексивная саморегуляция (reflexive self-regulation) предполагает целенаправленную деятельность людей по разработке систем контроля и их реальному применению. Иными словами, в основе рефлексивной саморегуляции лежит рефлексивный мониторинг действий (людьми) и организация (людьми же) контролируемых воздействий на механизмы обратной связи, действующие в системе (социуме). Рефлексивная саморегуляция становится ведущей силой в организации взаимодействий в социальных системах.

“Увеличение попыток рефлексивной саморегуляции на уровне социальной интеграции является одной из основных особенностей современного мира. Это явление лежит в основе двух самых распространенных в современную эпоху типов социальной мобилизации – “легально-рациональная” социальная организация и секулярные общественные движения”³ [2 p. 79]. Иными словами, социальные организации и социальные движения – это два канала, с помощью которых в современном мире приводится в движение рефлексивное усвоение знания о

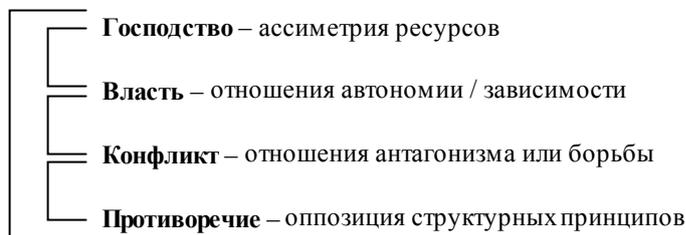
³ По-видимому два типа различаются ориентированностью на структурные качества системы. Первый тип – мобилизация в соответствии и на основании легальных механизмов системы при *сознательной ориентации на них*. Второй тип – мобилизация, происходящая вне легальных норм, ресурсов и механизмов взаимодействия (целевое, сознательное противопоставление или нецелевое, безотносительное игнорирование).

социальной жизни [5, с.79]. Социальные организации систематически аккумулируют и хранят социальную информацию, что является залогом стабильности условий для социального воспроизводства. Социальные движения противостоят сложившемуся порядку вещей и обладают более мощным преобразующим потенциалом, связанным с реализацией социальных проектов. Безотносительно к перспективам этих проектов, социальные движения приносят беспокойство в настоящее, связанное со снижением доверия к абстрактным системам. То есть, социальные движения способны указать на скрытые возможности данного институционального порядка, которые не были известны прежде, и дать предварительную оценку перспективам этих возможностей (позитивный потенциал или отрицательные последствия). В любом случае, деятельность социальных движений представляет собой интеллектуальный вызов сложившейся системе знаний: “Социальные движения – это способ выражения концентрированного конфликта...” [5, с.81].

Социальное противоречие, социальный конфликт. Концепция социального противоречия в теории Гидденса также связана с рассмотрением структурных свойств социальных систем. Однако следует отличать ее от идеи “функциональной несовместимости”.

Социальное противоречие (social contradiction) – “оппозиция или дизъюнкция структурных принципов социальной системы, где эти принципы действуют в рамках друг друга, но в то же время противоречат друг другу” [2, р. 141]. Социальный конфликт – борьба между акторами и коллективностями, выраженная в виде определенной социальной практики. Гидденс отмечает, что последние два понятия имеют тенденцию к совпадению, противоречие является базой, порождающей конфликт. Однако есть три условия существования социального противоречия, которые делают зависимость двух понятий не столь однозначной. Во-первых, это непрозрачность действия (opacity of action): акторы недостаточно полно и глубоко осознают обусловленность своих действий, а также их вклад в воспроизводство социальных систем. Во-вторых, это рассредоточенность социальных противоречий (dispersion of contradiction): социальные противоречия с меньшей вероятностью вызывают социальный конфликт, если не образуют тесных переплетений друг с другом. Наслоение противоречий вызывает интенсивное развитие конфликта. Третий аспект в соотношении понятий – непосредственное, направленное давление (direct regression), которым характеризуется конфликт как открытая, публичная борьба акторов [2, р. 144-145]. Гидденс предлагает следующее соподчинение понятий в теории системного противоречия:

Рисунок 7.

Господство и противоречие относятся к структурным характеристикам социальных систем; они связаны принципом дуальности, поскольку выражаются и воспроизводятся посредством друг друга. Конфликт и противоречие связаны напрямую (с учетом всего, что говорилось выше), а взаимосвязь господства и конфликта опосредована властными отношениями. Противоречия в социальных системах произрастают в результате структуризации и социального воспроизводства. Это происходит в силу непредвиденных последствий действия, оказывающих влияние на институциональный порядок социальных взаимосвязей, которые управляют системным воспроизводством [2, р. 141]. Таким образом, социальное противоречие не только предполагает системную интеграцию, оно может возникнуть только в результате ее осуществления. И это является залогом социальных изменений: "Я принимаю в качестве основной теоремы позицию Маркса, что противоречие является основой возможного прогрессивного движения в истории" Но вместе с тем, замечает Гидденс, мы должны рассматривать и возможность того, что противоречия могут стимулировать и обратное движение исторических перемен [2, р. 142-143].

Абстрактные системы как основа системной интеграции. Теоретическое осмысление природы социальных изменений нашло свое применение в виде "институционального анализа современности", предлагаемого Гидденсом в работе "Consequences of modernity" (1990). Социальные институты современности в определенной степени являются уникальными, отличающимися от институтов традиционного социального порядка. Гидденс выделяет три основные характеристики, специфичные именно для современного общества [4, с.83].

1. Различные регионы мира социально и информационно связаны друг с другом регулярным и интенсивным взаимодействием.
2. Развитие современных социальных институтов привело к появлению специфических социальных форм (политическая система национального государства) или же изменило их внутреннюю природу (современный урбанизм).
3. Высокая скорость протекания процессов и изменений, происходящих в обществе. В первую очередь это касается технологии.

Гидденс выделяет несколько причин динамизма современных обществ. Во-первых, стала возможной и интенсивно развивалась "системная интеграция", характерной особенностью которой является отношения с физически отсутствующим. Это подразумевает наличие социальных механизмов, отличных от используемых в контекстах соприсутствия.

“Приход модерна разорвал пространство и время, установив отношения с отсутствующими “другими”, удаленными от любого взаимодействия лицом к лицу” [4, с. 83]. Социальные отношения, влияние, взаимодействие конституируются как пространственно независимые, несвязанные с локальными контекстами.

Во-вторых, социальные отношения становятся возможными по всему объему пространства и времени в результате появления механизмов “высвобождения” социальной деятельности из-под влияния локализованных контекстов. Гидденс выделяет два типа механизмов высвобождения и отмечает, что они вовлечены в развитие современных социальных институтов. Первый тип связан с созданием символических знаковых систем, второй – с развитием экспертных систем [4, с. 84].

Символические знаковые системы представляют собой средства обмена, которые могут функционировать безотносительно к специфическим характеристикам индивидов или групп, использующих их в тех или иных контекстах (средства политической легитимации, деньги). Под экспертными системами Гидденс подразумевает системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие материальное и социальное окружение современного индивида (консультации профессионалов). К системам экспертного знания прибегают время от времени, но они постоянно определяют жизнь индивидов. Оба механизма высвобождения основываются на доверии, которым облекаются не индивиды, а абстрактные возможности.

Третьим источником динамизма современных обществ является производство систематизированного знания относительно социальной жизни и его рефлексивное усвоение.

Средствами стабилизации социальных связей на личностном уровне выступают дружба, интимность, основанные на личных обязательствах. Они предполагают доверие, основанное и выражающееся на сотрудничестве социальных агентов.

Стабилизация отношений в неопределенных пространственно-временных обстоятельствах основана на вере в символические или экспертные системы, являющиеся абстрактными и обладающие безличными обязательствами. Природа социальных институтов современности связана с механизмами формирования доверия к абстрактным системам. Функционирование абстрактных систем означает, что тот или иной ее элемент, с помощью которого опосредуется взаимодействие (например, денежные знаки), обладает определенной значимостью для каждого индивида, вовлеченного в это взаимодействие. Кроме того, каждый индивид предполагает существование аналогичного отношения к этим элементам абстрактной системы у других индивидов.

Будущее доступно нашему рефлексивному знанию, поскольку оно является основным элементом повседневной практики. Индивид стремится опереться на экспертные системы, но не столько ради достижения чувства безопасности, уверенности, сколько для расчета пользы и риска в определенных обстоятельствах действия. Экспертное знание не только обеспечивает такой расчет, но тем самым и создает универсум обстоятельств

для своего применения – посредством постоянного рефлексивного осуществления (задействования) знания [4, с. 89].

Отношения доверия являются базовыми для расширения пространственно-временной дистанции взаимодействия, для осуществления системной интеграции. Если доверие к людям предполагает личные обязательства, эдакий индикатор единения, то доверие к системам принимает форму безличных обстоятельств, которые у обычного человека поддерживаются знанием о существовании областей, в которых он не разбирается. Однако, безличные обязательства как правило поддерживаются или подкрепляются личными обязательствами.

Пункты доступа к абстрактным системам (пункты связи рядовых индивидов или коллективов с воплощением абстрактных систем) строятся на социальной интеграции, подразумевающей личное соприсутствие и личные обязательства. Это самые уязвимые места: доверие к абстрактным системам может быть нарушено, но также может быть и подтверждено или построено [4, с. 90].

Индивид и общество

И действующему индивиду, и обществу присущи одни и те же структурные свойства. “Структура формирует индивида и общество одновременно, но никогда не задействует при этом все свои возможности по причине значимости непреднамеренных последствий и неосознанных обстоятельств действия...” [2, р. 70].

Любой индивид обладает широким и детальным знанием об обществе, в котором он живет. “Знание” здесь понимается в терминах как практического, так и дискурсивного сознания. Напомним, что в терминологии Гидденса практическое сознание – знания индивида о том, как действовать. Дискурс – то, о чем индивиды могут разговаривать и то, как эта коммуникация осуществляется. Параметры практического и дискурсивного сознания взаимосвязаны определенным образом, что обусловлено ситуативным характером деятельности индивида. Эти параметры Гидденс обозначает как неосознаваемые обстоятельства действия и непреднамеренные последствия действия. Согласно теории структуриации, момент производства действия является также моментом воспроизводства контекстов повседневной деятельности в социальной жизни. То есть, в воспроизводстве структурных качеств агенты также воспроизводят и условия, которые делают возможным такое действие.

Однако, взаимосвязь практического и дискурсивного сознания не сводится только к ситуативности. Любой компетентный социальный агент является социальным теоретиком на уровне дискурсивного сознания и “методологическим специалистом” на уровне и дискурсивного, и практического сознания. Индивид – исторически и пространственно локализованный член общества. В своей повседневной деятельности он проявляет компетентность относительно ситуаций и социальных условий, с которыми связан. Гидденс замечает, что “знание” имеет тенденцию к уменьшению, т.е. компетентность индивида снижается, когда практика выводит его деятельность за границу повседневной. Это происходит в силу

его пространственной и временной локализованности. Таким образом, Гидденс приходит к выводу, что и воспроизводство социальных систем, и поведение агентов, обладают временной протяженностью, и эта их характеристика на уровне индивидуального поведения связана с понятием социализации.

Концепция социализации и социальной позиции. Гидденс отвергает функционалистскую теорию ролей. Он полагает, что социальные системы состоят не из ролей, а из воспроизводимых практик. Так как социальные системы помещены во время и пространство, их можно интерпретировать как структурные “поля”, где агенты занимают определенную позицию по отношению друг к другу. Социальная позиция агента определяется как социальная идентичность, которая образует набор возможностей, прерогатив и обязательств агента. Эти прерогативы и обязательства образуют ролевые предписания, связанные с данной позицией [2, p. 117].

Гидденс подчеркивает, что изучение производства и воспроизводства общества теснейшим образом связано с изучением социализации, поскольку это фундаментальный процесс институциональной организации социальных систем [2, p. 129-130].

1. Социализация – не есть отпечаток общества в индивиде. Дети – активные партнеры в двустороннем процессе взаимодействия и вхождения в общество. Социализация принципиально диалогична, поскольку предполагает накопление детьми практических знаний об условиях социального взаимодействия.

2. Социализация не заканчивается в момент становления индивида зрелым членом общества; она относится ко всему жизненному циклу.

3. Социализация – не унифицированный процесс. Она контекстуальна, предполагает накопление практического запаса знаний относительно условий производства и воспроизводства социального взаимодействия. Социализация не является простым процессом инкорпорации ребенка в общество. По мнению Гидденса это механизм преемственности поколений (succession of the generations). Общество не только обучает ребенка своим правилам, инкорпорирует его, ребенок творчески (экспериментируя с ресурсами, желаниями, установками, податливостью системы, ожиданиями относительно него) адаптирует доступный ему сегмент общества [2, p. 130].

Психология модерна. Современные общества характеризуются делокализацией социального действия, его извлечением из конкретного, местного контекста действия. В досовременных обществах время и пространство были связаны благодаря ситуационности места. То есть, в современных обществах социальное действие может не быть опосредованным конкретным местом его осуществления, что делает возможной все возрастающую по своим масштабам координацию социальной деятельности, субъекты которой не вступают друг с другом в физический контакт [6. с. 96-97].

Пространственно-временное дистанцирование предполагает не только развитие административной координации и функций надзора, но и развитие “абстрактных систем”, которые заключают в себе экспертное знание и

“символические знаки”. Символические знаки представляют собой средства обмена, обладающие стандартной ценностью и взаимозаменяемостью в любом наборе социальных контекстов.

Экспертное знание не ограничивается научно-техническими сведениями и технологией. Оно распространяется и на практику социальных отношений, и на интимные аспекты личности и ее “Я” (психотерапия, религиозная проповедь). То есть, экспертное знание содержит совокупность стандартов современной жизни во всех ее проявлениях [6, с. 97].

Абстрактные системы, таким образом, лишают повседневную практику ее локальных, местных, традиционных характеристик и воплощают в себе тенденции глобализации современных обществ. Однако, их функционирование возможно благодаря двум феноменам – феномену субъективного доверия и феномену институциональной рефлексивности.

Институциональная рефлексивность выражается в упорядоченном использовании знания об обстоятельствах социальной жизни в качестве элемента ее организации и изменения [6, с. 98]. Знание о мире подвергается постоянной ревизии, скептицизм становится методом получения нового знания и контроля качества уже существующего. Такое “радикальное сомнение” существенным образом влияет на социальную значимость и функционирование субъективного доверия. Таким образом, колебания от “радикального сомнения к доверию в отношении абстрактных систем заставляет прогнозировать будущее, оценивать его с точки зрения: риск/выгода, полезность. Будущее превращается в рефлексивный проект и гарантирует две вещи: социальное бытие все также будет требовать постоянного выбора, во-первых, и будущее не будет похожим на настоящее, во-вторых. “Варианты будущего интерпретируются в рефлексивных терминах настоящего и становятся все менее предсказуемыми в своих последствиях” [6, с. 98].

Экспертное знание приняло специализированный и фрагментарный облик, глобальные (по масштабам своего влияния) экспертные системы становятся доступными и понятными все меньшему числу экспертов, поскольку возможности координировать и сопоставлять свои оценки, прогнозы и рекомендации снижаются для все большего числа экспертов. То есть, граница между экспертом и дилетантом исчезает.

В контекста действия “высвобождающих механизмов” чрезвычайно значимым для функционирования социальных институтов оказывается поддержание необходимого уровня субъективного доверия к абстрактным системам. Доверие оказывается психологической основой онтологической безопасности личности. Таким образом, психосоциальные механизмы личностной самоидентичности влияют и испытывают влияние со стороны трансформирующихся институтов современных обществ.

Гидденс подробно анализирует особенности психосоциальных механизмов самоидентичности. Он отмечает, что институциональная рефлексивность приводит к качественному изменению внутриличностных психологических процессов, превращая индивидуальное “Я” в рефлексивный проект [6, с. 99]. В процесс личностной саморефлексии оказываются вовлеченными и абстрактные системы, поскольку они предлагают целый

набор альтернативных рекомендаций (педагогических, медицинских, психологических и т.д.), которые заменяют однозначную и прозрачную для понимания традицию (этапы инициации, например).

Всякое действие становится возможным благодаря способности индивида к дискурсивной и практической интерпретации природы и причин своих поступков. При этом практическое сознание, как правило, не рефлексивно. Практическое сознание образует эмоциональную и когнитивную основу индивидуального чувства онтологической безопасности, стержнем которого является чувство доверия, в терминах Э. Эриксона – “базисное доверие”. Эта идея представляется весьма важной для задач нашего исследования, поэтому ее стоит прояснить подробнее.

Чувство базисного доверия Э. Эриксон определяет как установку по отношению к себе и к миру, подразумевающую как собственную доверчивость человека, так и чувство неизменной расположенности к себе других людей [7, с. 106]. Чувство базисного доверия формируется в первые годы жизни ребенка; у взрослых происходит снижение этого чувства и доминирует базисное недоверие, проявляющееся в разных формах отчуждения. “Доверие включает в себя не только то, что некто научается надеяться, полагаться на тех, кто извне обеспечивает его жизнь, но и доверие к самому себе, веру в способность собственных органов справиться с побуждениями” [7, с. 111]. То есть, формирование базисного доверия в детстве оказывает незаметное, но устойчивое влияние на протекание последующей жизни человека. Такому человеку абсолютно не нужно, чтобы окружающие “стояли при нем на часах”, руководили им и инициировали его деятельность. Доверчивость детства превращается в устойчивое предположение, что данная общность заслуживает доверия, что мир вокруг него является осмысленно устроенным. Несмотря на “приступы зависимости”, индивид способен сохранять в себе надежду – “готовность верить в достижимость главных своих желаний” [7, с. 116].

Онтологическая безопасность, согласно концепции Гидденса, имеет четыре составляющие. Во-первых, это существование в мире как онтологическая основа повседневности. Она осуществляется как рутинная практика социальных действий, связанная с ситуациями выбора и социального творчества. В традиционных обществах онтологическая схема задавалась традицией, которая не предполагала возможность поливариантного будущего.

Во-вторых, это вопрос конечности человеческой природы и осознание человеком своей конечности.

Третья составляющая онтологической безопасности – это проблема интерсубъективности. «Эмоционально-когнитивное обнаружение другого в процессе индивидуального развития становится ключевым элементом как для самоидентификации личности, так и для восприятия внешних объектов как тождественных и непрерывных. Чувство доверия, таким образом, является источником объективной стабильности внешнего мира и целостности самоотождествленного “Я”» [6, с. 101].

Четвертая составляющая онтологической безопасности – становление самоидентичности, которую Гидденс определяет как постоянное чувство

непрерывной духовной и телесной личности. Она не является неизменным набором личностных черт и склонностей, которые проявляются в индивидуальных действиях. Самоидентичность, или тождество "Я", поддерживается с помощью личностной саморефлексии относительно биографии: автобиография составляет ядро самоидентичности в условиях современной социальной жизни" [6, с. 101].

Таким образом, эпоха модерна, современных обществ характеризуется специфической идентичностью индивидов. Самоидентичность определяется Гидденсом как рефлексивный проект – осуществление достаточно целостного и постоянно корректируемого биографического повествования (о прошлом или будущем) в контексте многовариантности выбора, тесно связанного с существующими абстрактными системами [6, с. 102]. Следовательно, одной из важнейших жизненных задач индивида становится "разработка траектории "Я"».

Гидденс выделяет 10 характеристик, специфических для самоидентичности индивидов в эпоху модерна.

1. Самоидентичность есть рефлексивный проект, создаваемый самим индивидом: "понимание себя подчинено более фундаментальной задаче построения и реконструкции целостного чувства идентичности" [6, с. 102]

2. В рефлексивном проекте разрабатывается траектория своей биографии – через отсылку к прошлому и прогнозирование будущего. Построение траектории основывается на идее многоэтапного жизненного цикла, определяемого скорее индивидом, нежели событиями внешнего мира.

3. Рефлексивность всеохватна и непрерывна.

4. Целостность самоидентичности базируется на непрерывности и субъективной связности автобиографии (независимо – артикулированной или нет).

5. Самоактуализация "Я" предполагает временную локализацию: вычленение "личного времени", отдаленно связанного с фиксированным временным порядком.

6. Рефлексивность "Я" телесна, то есть, тело – часть индивидуальной системы действий, а не ее пассивный объект.

7. Самоактуализация предполагает осмысление прошлого и осмысленное прогнозирование будущего (вычисление возможностей и риска).

8. Самоактуализация решает нравственную задачу – верность самому себе: интерпретация своего опыта и дифференциация "истинного" и "ложного" "Я".

9. Жизненный цикл личности (последовательность этапов, периодов, эпизодов) не имеет ритуальных меток. Движение от эпизода к эпизоду происходит на основе взвешивания возможностей и риска и осуществляется благодаря "рефлексивной мобилизации траектории "Я"».

10. Жизненная траектория обладает значительной внутренней референтностью, влияние внешней обусловленности снижено.

Современные общества и "климат риска". В современных обществах риск оказывается постоянно действующим социальным фактором. Это происходит не только в силу качественного изменения структуры риска

(глобализация социально-экономических процессов увеличивает масштабы риска), но и за счет того, что “и для дилетанта, и для эксперта постоянным и непреложным опытом становится мышление в терминах риска” [6, с. 105].

Осмысление грядущих событий как в принципе подвластных управлению и контролю, порождает непрерывный процесс калькуляции возможностей и риска, будущее утрачивает значительную долю своей непредсказуемости. В современных обществах риски являются объектом управления и контроля (благодаря научно-техническому прогрессу) и становятся институционализированными (рынки, биржи). Риск оказывается не столько параметром социальной ситуации, сколько конституирующим эту ситуацию фактором.

Постоянный рефлексивный мониторинг рисков в современных обществах приводит к возникновению особых экспертных систем, призванных калькулировать риски и выдавать рекомендации. Однако, развитие системы знания, заключенного в экспертные системы, привносит в реализацию рекомендаций тоже элемент риска. Распространение абстрактных систем заставляет человека в его повседневной деятельности постоянно осмысливать риски, что создает в его сознании напряжение между чувством надежности окружающего мира и базовым доверием. Еще одно следствие развития и глобализации абстрактных систем является процесс экспроприации навыков – изъятие из компетенции индивида традиционных элементов его жизни (ремесло, врачевание и т.д.) [6, с. 106]. С одной стороны, это позволяет индивиду обретать новые полномочия, умения, опыт, с другой – делает его зависимым от экспертных систем, что само по себе испытывает на прочность его доверие к ним.

Развитие абстрактных систем порождает целый ряд психологических феноменов, в первую очередь связанных с достижением чувства надежности окружающего мира. Этот процесс характеризуется тенденциями нравственного порядка, которые Гидденс называет “испарение моральности”. Из повседневной практики удаляются все те экзистенциальные моменты, которые чреватые нравственным беспокойством и моральными кризисами. Онтологическая безопасность, обеспечиваемая абстрактными системами, поддерживается до тех пор, пока ритм обыденной жизни не нарушается такими феноменами, находящимися вне власти индивида, по ту сторону его защитного контура. Индивид стремится изолировать от себя те ситуации, которые потенциально опасны для его устоявшегося психологического самочувствия (душевные болезни – клиники, преступность – пенитенциарная система, болезни и смерть – больницы, кладбища, сексуальность – трансформации интимности, природа как естественная среда) [6, с. 108].

В условиях радикального сомнения индивид, не располагающий никакой опорой вовне (вера, авторитет, традиция), обречен на постоянный выбор той или иной системы экспертного знания и оценку своего выбора в терминах риска. Индивидуальное базовое доверие постоянно подвергается испытанию и проверке на прочность. Кризисы, когда требования к оперативности и точности (адекватности) принимаемых решений возрастают, становятся нормой социальной жизни, но не становятся ее

обыденным элементом. Общий климат неопределенности влияет на самоощущение и идентичность индивидов [6, с. 09].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Giddens A.* New rules of sociological method. Cambridge: Polity Press, 1994.
2. *Giddens A.* Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan press, 1979.
3. *Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
4. *Гидденс Э.* Последствия модерна / Реф. Н.Л. Поляковой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995.
5. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии / Пер. Е.В. Якимовой // THESIS. Т.1. Вып.1. Зима 1993.
6. *Гидденс Э.* Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995.
7. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис / Под ред. А.В. Толстых. М.: Издательская группа "Прогресс", 1996.
8. *Etzioni A.* The active society. New York: Free Press, 1968.
9. *Волков В.В.* "Следование правилу" как социологическая проблема. // Социологический журнал. 1998. № 3/4.